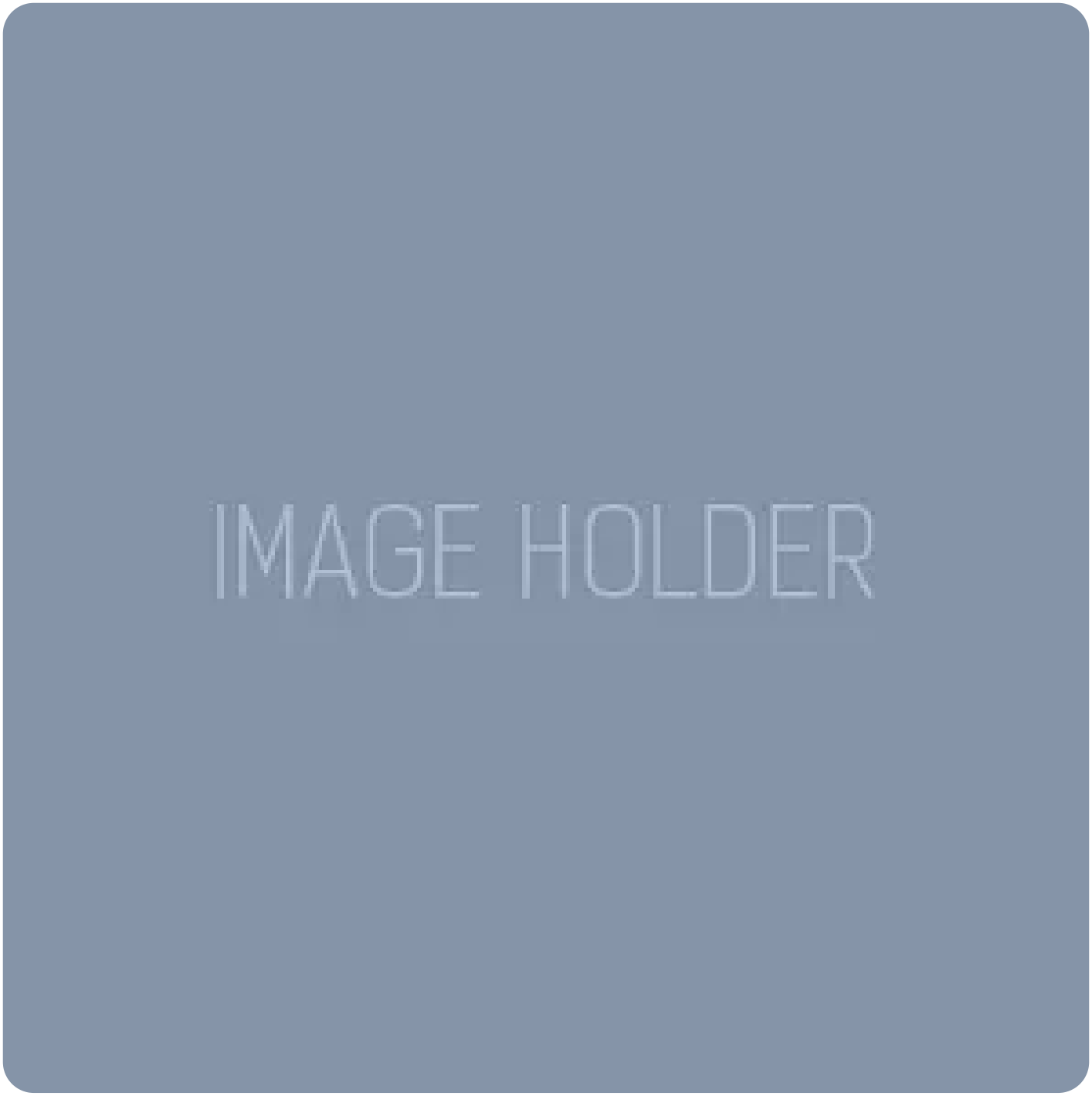


Красные розы

Жанр произведения: Другое

Произведение написал автор BookBox Сергей Лушников

Ссылка на публикацию

Красные розы Весенний праздник 8 Марта для многих женщин – лишняя возможность окунуться в ароматы цветов и щедрость ласковых слов. Виктор тоже дарил в этот день букеты и говорил приятные слова виновницам торжества, но относился к ритуалу как к неизбежности, как к любви по расчету. Хотя цветы он дарил разным женщинам часто – по велению души, по дружбе, в знак уважения или вдруг вспыхнувшей искры таинственного и волшебного

чувства. И за свою жизнь подарил десятки тысяч цветов, а вот красные розы он дарил лишь несколько раз… Первые цветы Виктор принес самому любимому на свете человеку – маме. Давно, лет тридцать назад. Это были красные саранки с закрученными лепестками, те, что росли на забайкальских сопках среди запашистых трав, где особенно благоухал чабрец. Мама, стройная, высокая, прекраснейшая из всех женщин мира вскинула руки вверх: – Сынок, спасибо! – и прильнула к нему губами: он почувствовал ее запах, соединяющий одновременно и тепло, и счастье, и любовь. Впоследствии он одаривал ее охапками сиреневого багульника и листвянки, букетами марьиных кореньев, полевых цветов забайкальских сопок и всегда ощущал благодарность материнских рук, губ, души. Он купался в этом чувстве, как маленький ребенок – в ванне с теплой водой. В то время в их поселке в магазинах не продавались цветы, поэтому их дарил в основном летом и осенью, когда цвели сопки. Женщину и цветы он представлял неразрывным целым, как мать и дитя. А потребность дарить цветы женщинам, даже незнакомым, появилась благодаря одному случаю. Виктору было двадцать пять лет, и он работал инженером в институте психиатрии. Главным бухгалтером там была Мария Николаевна, грузная пожилая женщина с печальными глазами. Он заходил в бухгалтерию часто – не по делам, а просто попить чай или кофе с конфетами, которые всегда были в ее кабинете. Она относилась к нему по-матерински, сразу включала чайник, они чаевничали и разговаривали обо всем. Виктор интересовался бухгалтерией. Именно от Марии Николаевны он узнал о дебете, кредите, балансе, прибыли и даже об ажуре. И вот однажды, когда они сидели в ее кабинете, Мария Николаевна протянула ему деньги и попросила: – Витя, завтра у меня день рождения. Купи цветы и подари их мне, когда я приглашу девчонок! Хороший букет, на все деньги. Понимаешь, мне муж ни разу не дарил цветы, и вообще никто не дарил. Виктор отказывался, говорил, что купит сам, но Мария Николаевна, вся раскрасневшись, убедила его. Он подарил два букета: один огромный, на ее деньги, второй, скромнее, – на свои последние. Это были три красные розы. И с тех пор стал чаще дарить цветы женщинам. Надо отметить, что это доставляло ему огромное удовольствие: он видел, как менялись женские лица, как появлялись на них улыбки, оживали глаза… Одним из самых памятных букетов стал букет маме на юбилей. Он рано уехал из дома, но почти каждый год возвращался в отчий дом. Так было и в тот знаменательный день, маме исполнялось шестьдесят лет. Он прилетел в областной центр, откуда до его поселка предстояло ехать еще километров 300. Заканчивался июнь, Виктор был налегке – шорты, футболка, в сумке подарки. С тех первых букетов забайкальских сопок прошло много времени, и теперь цветы продавались везде круглый год; он купил семь красных роз в аэропорту. Но выйдя из здания, понял, что недооценил свою малую родину – лето его встретило прохладой, вернее сказать, холодом – на улице всего градусов пять. Выругавшись, он отправился за

город, туда, где начиналась хорошо известная ему трасса, ведущая в родной поселок. Но здесь его ждала неудача. Попытка поймать авто не увенчалась успехом. Редкие машины не останавливались, пошел снег. Несмотря на практически пляжный прикид, он не обращал внимания на летевшие с неба белые хлопья, в голове крутилась только одна мысль: надо во что бы то ни стало добраться до поселка, чтобы успеть на юбилей. Со временем холод стал донимать не только его тело, но и дурную голову. С сумкой и цветами, завернутыми в бумагу, он перешел на бег. Иногда останавливался, чтобы передохнуть, но больше бежал. Километров через пятнадцать Виктору повезло: остановился «Москвич-412». Из машины вышел огромный мужик и подал руку: – Куда бежишь, мил человек? Спортсмен вроде, но зачем сумка и пакет? – На юбилей к маме. В Чернышевск надо, – губы у Виктора еле шевелились. – Нет, мы в Шилку, оттуда тебе еще сотня километров. Если хочешь, до Шилки добросим. – Спасибо! – счастье все же бывает на свете, подумалось Виктору, и он, сев в машину, прислонился к теплому бедру дочки хозяина «Москвича», занимавшей две трети заднего сидения. – Будем знакомы, меня Геннадием зовут. Жену Феклой кличут, а дочку Машей. Машутка, ты подвинься чуточку, а то вывалится наш спортсмен! Небось, замерз? – Немного есть, – хорохорился Виктор – Ничего, с Машкой вмиг отогреешься! Прижимайся к ней как следует. А приедем домой, самогончику тяпнем, и будешь живее всех живых. Виктор посмотрел на Машутку. Нет, он видел на полотнах кустодиевских девушек, но чтобы так, рядом, ощущать бедро и видеть толстые губы, бесцеремонно пялившиеся на него бесцветные глаза… А оплывшие руки, казалось, раздирали рукав блузки, из которой стремилась наружу мощная грудь… Этого он представить до нынешнего момента не мог. Но зато было тепло… – Откуда едешь? – Геннадий закурил. – Из Москвы. – Ух ты, столичный, знамо… И как там жизнь? –Да как и везде: работают, рожают, любят. Но рожают меньше. – Не скажи, вы там жируете по сравнению с нами. – Везде работать надо, просто так денег не платят. Конечно, платят больше, но и расходы больше… – Сам-то женат? – Нет. – А что так, пора уже, а то когда детей будешь делать? Как же чушка без приплода, жизнь остановится. – Планирую. Может, на следующий год… –Там, небось, девки избалованные, ни готовить не умеют, ни прибраться, ни обнять как следует? – Разные есть, но с деревенскими не сравнить. – Вот и я про это. Бери мою Машку, не пожалеешь. Виктору чуть плохо не стало: «Пожалеть точно не пожалею, а повеситься могу», – но вслух выдал другое, боясь оказаться на улице, тем более снег уже валил вовсю, как будто на улице зима: – На вашей дочурке жениться – мало кто пожалеет. – Вот и я о чем. Приданое дам пару свиней, окромя деньжат. – Ты что, Гена, морочишь голову человеку, – открыла рот Фекла, – нельзя так нахрапом. Посидеть надо, познакомиться, узнать… – А я о чем, о том же. Приедем, посидим, выпьем, сватов пригласим, – шуточки обрастали реальностью. С одной стороны, Виктору хотелось рассмеяться, представляя себя с Машкой на московском

корпоративе или со свиньями в квартире, но, с другой, он должен подарить цветы матери, а ради этого готов был даже поддержать беседу. Он посмотрел на часы, они показывали двенадцать дня, теоретически до пяти вечера оставалось время, если добраться до Шилки в обед. – Куда мы со свиньями в столице, – ляпнул он, почти соглашаясь с предложением Геннадия – Не волнуйся, я все продумал. Продадим здесь. Если согласен, и бычка еще продадим и сало посылать будем, верно, мать? Что молчишь? – Я как ты, Гена, надо, значит надо. – Вы как-то быстро решаете, – Виктор лихорадочно искал аргументы, – даже дочь не спрашиваете… Но лучше бы он этого не говорил. Вдруг Виктор услышал сильный грубый мужицкий голос невесты. А слова ее будто гвоздь вколачивали в доску: – А что, я согласна. Мужик хоть и невзрачный, худой, но лучше, чем Васька из Бянкино. От этого вкусно воняет. «Приехал, – екнуло сердце, – ну почему именно эта, а не другая машина остановилась». Впрочем, он понимал, что счастья много не бывает, нужно дорожить тем, что есть. Короче, приехал он в Шилку почти женихом. Пир пошел на весь мир: самогон, жареная печень, котлеты, пельмени, сало с прожилками, бигус, даже сальтисон. Уже стали подтягиваться соседи, затеяли кричать «Горько!» Виктор не хотел, начал сопротивляться, но ручищи девахи сомкнулись за его спиной, тело растворилось, словно масло на горячей сковороде, а поцелуй оказался вечным, непревзойденным по страсти и накалу девичьего рвения выйти замуж… Виктор отдышался нескоро и понял – надо бежать. Так и сбежал без вещей, только с цветами, которые лежали в сенцах. Поймал попутку, и уже в половине шестого, проехав соседний с родным поселком Гаур, он понял, что успеет на юбилей. Несмотря на снег, природа вновь расцветала, слева бежала река Куэнга, заросшая с обеих сторон ивой, боярышником, дикой яблоней, черемухой и шиповником. Сопки зеленели, там набирали соки травы, некоторые из них уже цвели, а гравийная дорога уверенно указывала дорогу домой. Подъехав, Виктор попросил водителя, подвезшего его, на обратном пути зайти к Геннадию и извиниться за бегство, а подарки из оставленной сумки подарить названой невесте и Фекле… Дома Виктора не ждали, поэтому мама бросилась ему навстречу. Она смеялась и плакала и все повторяла: – Ну как же, Витя, в такой одежде поехал?! А потом он вручил розы: – Милая мамочка, я люблю тебя очень! Будь счастлива и здорова! Цвети, как эти розы, только дольше, намного дольше! Розы, немного уставшие от длинной дороги, стали оживать. А за столом уже пели любимую мамину песню: «Вот кто-то с горочки спустился…» Через три дня он уезжал, и розы опустили свои красные головки, слыша тихие слезы матери. Не так часто ему удавалось дарить после этого случая цветы маме, а вот другим получалось чаще… Через месяц он был в командировке в Питере, жил у старушки, маленькой, худенькой, шустрой, с живыми глазами, в общем, божьего одуванчика. Она обитала в двухкомнатной квартире, и одну комнату сдавала ему. В более просторной из них стоял стол, три стула, диван, а на стене висел

портрет красивой женщины. Виктор долго смотрел на портрет, и ему показалось, что женщина очень похожа на Любовь Орлову: ее фотографию он видел у своих сестер, коллекционировавших открытки актеров. Он спросил Веру Павловну: – Чей это портрет? Та рассмеялась: – Вот что делают годы, меня, голубчик, не узнал! Хороша была, правда? – Я думал, это Орлова… – Нет, я красивее была. Поклонники засыпали меня цветами, я вышла замуж за военного, а он, бедный, погиб в 1968 году во время «пражской весны» в Чехословакии. – Жалко… А дети есть? – Есть, сын, но его не дождешься. Может, завтра приедет, мне семьдесят лет исполняется. А так три года не видела, только по телефону с ним говорю иногда. Женщина замолчала. Виктор не понимал таких детей. Сам он каждую неделю писал домой по два письма. Ему стало неудобно продолжать разговор на эту тему. Но в голову пришла идея. Вечером он сел на диван, якобы посмотреть телевизор, а когда хозяйка ушла на кухню, стал листать блокнот, в котором записаны номера телефонов. Номер сына нашел сразу, напротив него большими буквами было обозначено «СЫНОК». Наутро, будучи по делам на заводе «Ломо», позвонил сыну Веры Павловны. Ответил раздраженный голос: – Что надо? – Извините, я снимаю комнату у вашей мамы. Сегодня ей исполняется семьдесят лет. Я подарю ей букет цветов, а вы скажете, что это от вас, если она будет благодарить. – А тебе зачем это? Может, в квартирку хочешь прописаться? – голос стал грубым. – Мне ничего не надо, вы просто подтвердите, ей будет приятно. – Да пошел ты! – в трубке запикали короткие гудки. Сделав свои дела, он купил семь роз, красных, как маме, бутылочку вина и фруктов. Подойдя к дому, зашел на спортивную площадку, где ребятишки играли в футбол. Попросил их занести цветы Вере Павловне и сказать, что цветы от сына, а за услугу дал рубль. Через пару минут, когда ребятишки вернулись, стал подниматься на пятый этаж. Старушка открыла дверь с цветами. Лицо ее сияло так, что Виктору стало страшно – вдруг сын не подтвердит. – Сынок прислал… Какие шикарные розы, не забыл!.. Зря я, старая, наговорила вчера. – И я поздравляю вас с днем рождения! Сейчас и отметим это дело, – постоялец достал бутылку вина и фрукты. – Подожди, сейчас поставлю и позвоню сыну, поблагодарить надо. – Да сам позвонит. Давайте лучше за стол. – Нет, я быстро. Возьми цветы, – и она исчезла в комнате. На ее звонок никто не ответил, и на душе у Виктора отлегло. Потом они сидели и пили вино, он говорил красивые и душевные слова, а она время от времени бегала к телефону. Но вскоре стала беспокоиться, что сын не берет трубку. Стала собираться ехать к нему. И тут раздался звонок. Сын все же позвонил. Вера Павловна пришла тихая, словно испуганная. Когда уже пили чай, она промолвила, не глядя Виктору в глаза: – Извини, Витя, но сын против того, чтобы я квартирантов принимала. Просил меня сильно. Может, к моей подруге устроишься, а я деньги тебе верну… Виктор согласился, не стал он говорить правду. Праздник закончился, и он перекочевал к другой старушке. Но не закончилась эта история. Чувство беспокойства не

покидало его, даже усилилось со временем, и он не выдержал и позвонил Вере Павловне. Ему ответил знакомый грубый голос ее сына: – Кого надо? – Веру Павловну. – Она здесь не живет, – на том конце бросили трубку. Вечером он попросил друга позвонить еще раз, якобы от имени судебного пристава – дескать, долг за ней. Так он узнал адрес коммуналки, где теперь жила Вера Павловна. Приехал к ней через два дня. Обшарпанная комната на Литейном с общими коридором, туалетом и кухней не придавала встрече радости. Они обнялись, она беззвучно заплакала, маленькое тельце вздрагивало. Он осторожно отодвинул ее и хотел рассказать о своих цветах, но Вера Павловна перебила: – Прости меня, сын сказал мне тогда о цветах, и еще – если я не выгоню тебя, то он не будет считать меня матерью... Это же мой сын, моя боль, мой грех… Он возвращался по Литейному проспекту, вокруг сновали люди, машины, автобусы, все спешили, а у него ноги волочились, словно на них висели гири. Он не замечал броских вывесок магазинов и фирм, только один раз остановился напротив киоска «Цветы», долго смотрел на красные розы, а потом купил семь роз и вернулся в коммуналку… Они сидели за столом, пили чай, и она снова плакала, а он успокаивал ее как мог. А на следующий год ушли в иной мир вместе мама и Вера Павловна. Ушли, не увидев больше его цветов… Целый год он никому не покупал цветы, словно боялся их. Как огня в лиственничном лесу. Часто подходил к киоскам с цветами, смотрел на красные розы, и слезы наполняли глаза… Через год Виктор женился. Молодые любили друг друга, и он каждый день дарил жене цветы. Тонкие лилии, белые розы, скромные гвоздики, шикарные орхидеи, пушистые астры. Они благоухали, были прекрасны и свежи, но красных роз среди них не было никогда. Однажды она не получила нового цветка и с грустной улыбкой поблагодарила за вчерашний, а как-то при гостях обронила фразу: – Вчера мне муж подарил орхидею. Хотя он тогда купил ей голландскую розу. На следующий день он опять забыл купить цветы. И постепенно стал приносить домой их реже и реже, так постепенно цветы исчезли из дома. Но она заметила это не сразу, через какое-то время игриво спросив мужа: – Дорогой, ты меня разлюбил? – Нет, что ты, милая, – поспешил ответить он и отправился в цветочный киоск. Увидев его, девушка обрадовалась: – А я думала, вы заболели! – Нет, все хорошо, – меланхолично пробормотал он и купил букет роз. На следующий день он обнаружил, что цветы быстро увяли. Он смотрел на них и не мог понять – почему?.. Подошла жена и, обняв, прошептала в ухо: – Я еще любима тобой, дорогой. Он смотрел на цветы и молчал, чувствуя холодноватые руки жены. Потом отстранился, внимательно посмотрел на располневшую жену в шелковом китайском халате и вздохнул. Через пару минут вышел на улицу, зашагал по аллее между рядами пушистых елей, бросил взгляд на свой дом со шпилем и башенкой, внимательно разглядывал сидящих на лавочках молодых людей, наткнулся на цветочный киоск, в котором купил три красные розы, и медленно направился домой. Внезапно он остановился, увидев

одинокую девушку, внимание которой было поглощено смартфоном. Подойдя к ней, протянул цветы: – Дарю. – Мне? За что? – Просто захотелось. Берите, – и положил красные розы на скамейку. Отойдя на пару шагов, он услышал звонкий голос девушки: – Мама, мне какой-то мужчина красивые розы подарил! Но он, не оглядываясь, быстро направился к дому. Открыв дверь, с порога бросил супруге: – Марина, я срочно улетаю в командировку. С работы позвонили. – Какая работа? Мы же завтра идем на юбилей?! – Сходишь одна. Мне пора собираться, говорю тебе, срочное дело. Через три часа он уже сидел в самолете и летел в Читу. По прилете в аэропорту купил семь красных роз, взял такси и поехал на кладбище, по дороге наломав уже распустившихся веток багульника… Было два часа дня, май, солнце. На этот раз Забайкалье его встречало хорошей погодой. На деревьях распускались молодые листочки, окрестности переполнял гомон птиц, а воздух пьянил. Памятник матери он нашел сразу, его белый мрамор выделялся на фоне других. Положив розы и багульник на столик рядом, погладил фотографию мамы, долго всматривался в ее смеющееся, такое родное лицо. – Прости, мама, давно не был. Не плачь только, прости, – тихо произнес, помолчал и продолжил: – Я вот твой любимый багульник принес и красные розы… Такие же, как были у тебя на юбилее… У меня все хорошо, ты не волнуйся. Он опустился коленями на мраморную плитку и стал раскладывать свои букеты..– У тебя всегда порядок, чистота,цветы, так, как ты любила, мамочка, – прошептал тихо. Внезапно почувствовал нежное прикосновение к голове, поднял руку вверх и поймал ветку еще молодой лиственки, которая склонилась над памятником. Он поднялся, непрерывно глядя на фотографию, и машинально погладил рукой мягкие, нежные зеленые иголочки лесной красавицы, наклонившейся к нему.